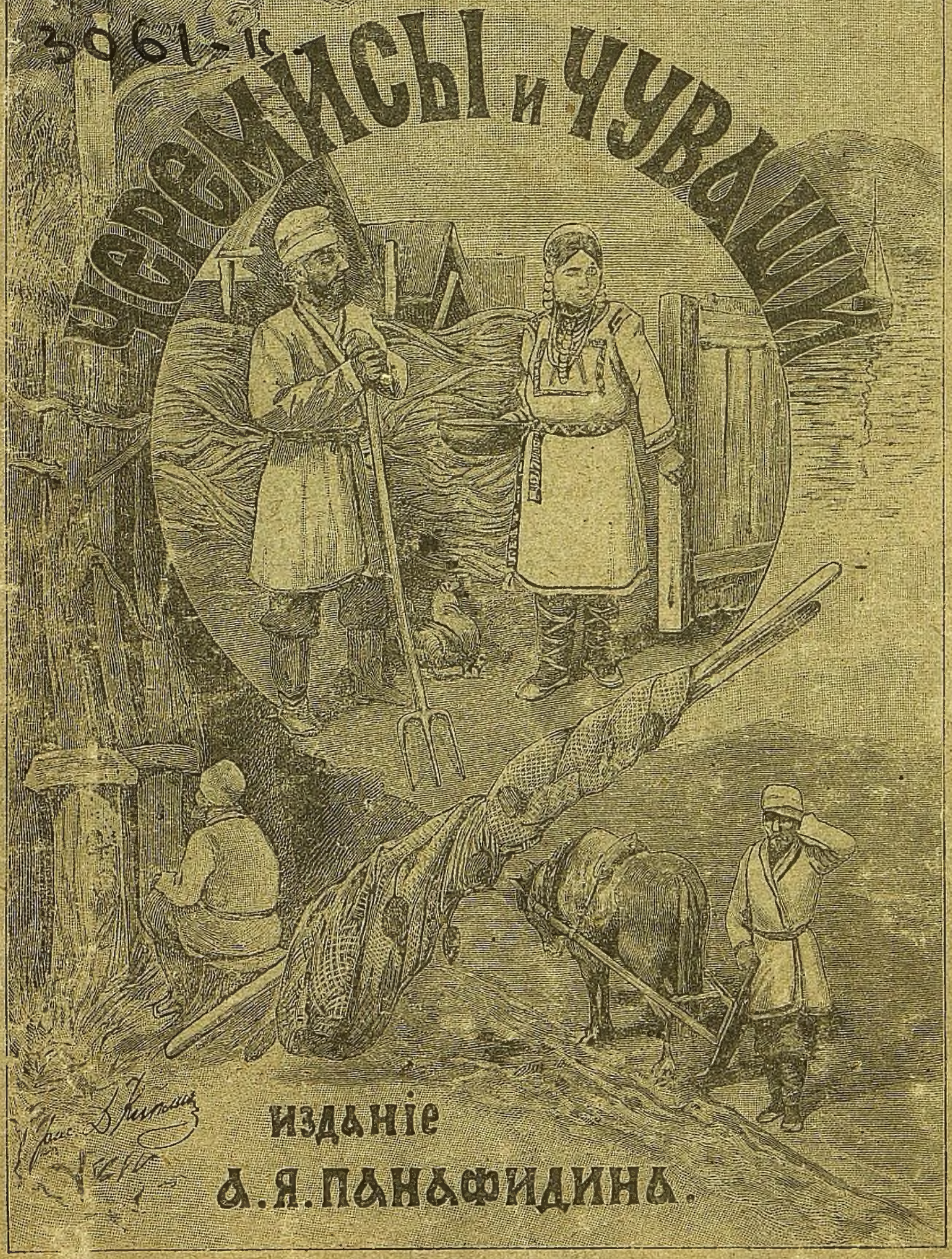
К 902.7
А 46
3061-К

Н. А. АЛЕКСАНДРОВЪ.

ЧЕРЕМИСЫ И ЧУВАШИ



ИЗДАНІЕ
А. Я. ПАНАФИДИНА.

М 3061-к

РЕДКАЯ КНИГА

ПРОВЕРЕНО
2010

1955

Гдѣ на Руси какой народъ живетъ

и

чѣмъ промышляетъ.

К 902.7
А 46

ЧЕРЕМИСЫ и ЧУВАШИ.

(ЛѢСНАЯ ОКРАИНА).

Н. А. Александрова.

ПЕРМСКАЯ
Центральная Библиотека
имени Максима Горького
№ 231.558
19 г.

МОСКВА.

Изданіе и собственность книжной торговли, спеціально для иногородних, **А. Я. Панафидина.** Москва, Покровка, Лялинъ пер., соб. д., № 11—13.

1899.

91(47)

Дозволено цензурою. Москва, 8 мая 1899 г.

М 3061-К

Республиканская
библиотека
им. М. ГОРЬКОГО
Чувашской АССР

Первая женская типографія Е. Гербекъ, 2-я Мѣщанская, 26.

ЛѢСНАЯ ОКРАИНА.

Черемисы и Чуваши.

Дремучіе хвойные лѣса, которые начинаются на далекомъ сѣверѣ тундры (смотр. „Чтеніе второе“) и тянутся на громадныя пространства по Олонецкой, Вятской, Пермской, частью Казанской, Нижегородской, Симбирской и другимъ губерніямъ, населены множествомъ разноплеменныхъ инородцевъ; и одни изъ этихъ инородцевъ, какъ намъ извѣстно,—зыряне, пермяки и вотяки засѣли въ самой глубинѣ лѣсовъ; другіе же, какъ черемисы и чуваши, частью живутъ тамъ же, гдѣ вотяки и пермяки, а частью вышли уже изъ лѣса и поселились по окраинамъ лѣсовъ,—у большихъ рѣкъ и дорогъ. Говоря о жизни тѣхъ и другихъ, озаглавленныхъ нами инородцевъ, мы постараемся объяснить, какая разница между

тѣми, что живутъ въ глубинѣ лѣсовъ, и тѣ-ми, что поселились у лѣсныхъ окраинъ.

Начнемъ съ черемисовъ. Это близкіе и давніе сосѣди вотяковъ, частью такой же полудикій народецъ, какъ и вотяки, а частью несравненно выше ихъ и значительнѣе по числу; ихъ насчитываютъ около трехсотъ тысячъ. Живутъ черемисы въ Вятской и Пермской губерніяхъ, но болѣе всего въ Казанской, а также есть и въ Нижегородской. Живущіе въ Вятской—такой же народецъ, какъ и вотяки; въ Казанской губерніи, въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ, среди русскихъ, ихъ не отличишь отъ русскихъ; встрѣтятся затѣмъ черемисскія деревни рядомъ съ чувашскими,—и черемисы, ни дать ни взять, тѣ же чуваши, но есть и такіе, что смѣшались съ татарами и отатарились. „Съ кѣмъ сжился, какъ говорится,—въ того и уродился“. Но много еще и такихъ черемисъ, которые ни съ кѣмъ не сжились. Въ старину, надо замѣтить, черемисы были народъ непокойный и воинственный. Такъ, мирно уже жили вотяки и чуваши, а черемисы все еще упрямо стояли за свою независимость, нападали на сосѣдей вотяковъ, ненавидѣли русскихъ,—и справедливо сложилась тогда пословица про нихъ: „по одну сторону черемиса, а по другую берегися“. Они тревожили русскія окраины вмѣстѣ съ

казанскими татарами, что и вынудило тогда царя Іоанна IV построить, исключительно для усмиренія черемисъ, крѣпость Козмодемьянскъ. Пытались они было уничтожить эту крѣпость, а затѣмъ хотѣли уничтожить и Нижній Новгородъ, но, разбитые подъ Свіягою, бросились къ Вяткѣ и навели на всѣхъ ужасъ своимъ грабежомъ и разбойничествомъ. Въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, черемисы не разъ прекращали всякое сообщеніе между Казанью и Нижнимъ и подступали къ разнымъ русскимъ городамъ, проникая до Арзамаса и Мурома. Въ разбойничествѣ Стеньки Разина они также принимали участіе, и, наконецъ, покорившись русскимъ, они при всякомъ удобномъ случаѣ старались сдѣлать втихомолку зло, но, не устоявъ противъ русской силы, ушли громадными толпами въ дремучіе лѣса, за Волгу; и вотъ тутъ-то за Волгой гнѣздится и до сихъ поръ та часть черемисъ, которая не походитъ ни на русскихъ, ни на чувашъ, а только сама на себя, и которая въ лѣсахъ совершенно измельчала и одичала.

Эти такъ называемые „луговые“ (оттого, что расположены по *луговой* сторонѣ Волги) или, правильнѣе, „лѣсные“ черемисы живутъ такъ же, если не хуже, чѣмъ двѣсти лѣтъ назадъ; и ни по жизни своей, ни по лицу, однимъ

словомъ, ни въ чемъ они не схожи съ тѣми черемисами, что живутъ на Волгѣ, среди русскихъ, и называются въ отличіе отъ луговыхъ „нагорными“. Посмотришь на нагорнаго черемиса, да тутъ же взглянешь на лѣсного, и по неволѣ скажешь: „отъ одной матки да не одни ребятки,—одинъ братъ сытъ и крѣпокъ, а другой—жидокъ и рѣдокъ“. На нагорномъ черемисѣ красная рубашка, верблюжьяго сукна *чапанъ*, или бѣлый кафтанъ съ шерстянымъ поясомъ, на головѣ ямщицкая шапка, на ногахъ шаровары и длинные сапоги, а самъ онъ смотритъ бойко, глаза каріе, волосы черные, иногда круто вьющіеся; въ его разговорѣ и движеніяхъ видна нѣкоторая смѣтливость и удаль... Посмотришь же на его родича—лѣсного черемиса,—сухой онъ, тощій, блѣдный, глаза вѣчно полуоткрыты, уши длинныя, скулы выдаются; и по виду кажется онъ какимъ-то соннымъ, неповоротливымъ, глупымъ; а изъ одежды только и есть на немъ, что зимой—суконный кафтанъ и суконная низкая шапка, а лѣтомъ холщевый кафтанъ, берестовая высокая шапка,—четверти три вышиною, на ногахъ же лапти и бѣлыя онучи, туго перетянутыя бичевками. Живетъ онъ куда какъ плоше нагорнаго черемиса. Нагорныя черемисскія деревни дворовъ въ тридцать, а иногда доходятъ до пятидесяти,—онѣ

всѣ съ садахъ, въ зелени, и глядятъ па видъ весело, зажиточно; избы въ деревняхъ бѣлыя, вокругъ нихъ стоитъ множество амбаровъ, лачугъ, клѣтей для лѣтняго жилья и для храненія всевозможныхъ запасовъ, вблизи же дворовъ огороды; и каждый дворъ обнесенъ плетнемъ, а иногда обсаженъ березками. У лѣсныхъ же избы курныя, грязныя, съ маленькими окопцами, съ коровьими пузырями вмѣсто стеколъ, а въ избахъ только и убранства, что лавка, пары и чурбаны. Самоваровъ и чайниковъ, какъ у нагорныхъ черемисъ, и въ помине нѣтъ. А вокругъ избъ та же голь, что и внутри. Есть на дворѣ маленькій шалашъ, куда на лѣто переселяется семья, но ни клѣтей, ни амбаровъ, ни садовъ,—ничего этого не видать. Ѣдятъ они сухой хлѣбъ да рѣдьку, ѣдятъ въ голодное время, вмѣсто хлѣба, кору, да сосновыя и еловыя шишки, а подчасъ сорокъ да галокъ. Молятся они, какъ дикари, всему: увидятъ, что солнце ярко свѣтитъ—и думаютъ — это Богъ, — молятся ему; свѣтитъ ли ночью луна,—тоже Богъ; и дождь, и свѣтъ, и молнія – все Богъ. Но главные боги, - это одинъ добрый – Юма, а другой злой—Кереметь. Добрый Богъ живетъ, по ихъ понятіямъ, въ хорошей топленой избѣ на небѣ и пасетъ тамъ свои стада, а злой—Кереметь живетъ на землѣ. Злому богу-то они и поклоняются,

ему и молятся, и приносятъ жертвы, и не знаютъ даже, какъ ублажить этого бога. Жертвы ему приносятъ при всякомъ удобномъ случаѣ, и въ одиночку, и всей семьей, и цѣлымъ околодкомъ, а иногда и сборищами изъ нѣсколькихъ околодковъ, и по нѣсколько сотъ человѣкъ. Жертвуютъ и курицу, и утку, и гуся, и барана,—все несутъ, и, молясь въ своихъ рощахъ-кереметяхъ, совершаютъ они жертвоприношеніе и разные обряды. Передъ закалываніемъ жертвы, напримѣръ, вмѣсто колокольнаго звона, стучатъ они топоромъ объ столъ, и прислушиваются къ стуку, точно къ звону; разрѣжутъ жертву и начнутъ кадить зажженной головней, точно кадиломъ; угостятся же приносимой жертвой, тогда кости и кожу—либо жгутъ, либо кожу вѣшаютъ на деревья. При всѣхъ этихъ жертвахъ всегда присутствуютъ колдуны, и колдунамъ своимъ они не только вѣрятъ, но почитаютъ ихъ, слушаются и повинуются имъ. Колдуны бѣжали къ нимъ отъ нагорныхъ черемисъ, гдѣ быстро развивалось христіанство и гдѣ, конечно, сдѣлалось уже не житье колдунамъ. Лѣсные черемисы тоже, положимъ, мало-помалу принимаютъ теперь христіанство, но все-таки они больше принимаютъ колдуновъ и говорятъ: „нашу вѣру кончать—насъ кончать“. Они боятся злого Кереметя, чтобы

тотъ не напустилъ на нихъ за христіанство разныхъ бѣдъ и напастей, а бѣдъ у нихъ и безъ того много. Въ то время, когда горные черемисы живутъ съ достаткомъ, есть у нихъ и хлѣбъ, и рыба, и мясо, и овощи и когда ихъ выручаютъ разныя мастерства, разные промыслы, рыболовство, пчеловодство, — въ это же время лѣсные черемисы находятся въ бѣдности, ѣдятъ иногда, какъ мы знаемъ, только галокъ да сорокъ; пчеловодство же у нихъ бортовое, то-есть пчелы водятся только дикія; лѣсныя же издѣлія, какъ циновка и дубъ, производятся не въ большомъ количествѣ; и занимаются они одной лѣсной охотою, отлучаясь ради этой охоты отъ своихъ домовъ на цѣлые мѣсяцы и уходя верстъ за сто, за двѣсти.

Отчего же такая разница, и отчего горный черемисъ такъ превзошелъ лѣснаго? А вотъ, посмотримъ повнимательнѣе, что окружаетъ лѣсного черемиса, и какъ съ этимъ окружающимъ онъ справляется... Знаемъ мы, что живетъ онъ въ лѣсу, знаемъ также, что лѣсъ этотъ хвойный, дремучій, въ которомъ растетъ сосна, ель да береза, и идетъ этотъ лѣсъ непролазной чащей, вмѣстѣ съ болотомъ, охватывая пространство въ сотни верстъ вдоль и поперекъ. По лѣсамъ этимъ медленно, чуть замѣтно, текутъ кое-гдѣ рѣки. Весною и осенью

широко разливаются эти рѣки, а въ сухое время обнаженные ихъ берега покрыты болотистою зеленью, сучьями, разными кореньями, снесенными весеннимъ потокомъ,—и все это тогда гніетъ, воздухъ наполняется гнилью, а комары и мошки тучами носятся по лѣсу. Обкуривается черемисъ отъ этихъ комаровъ кострами, и держитъ вслѣдствіе этого глаза полуоткрытыми, а домой возвращается съ опухшимъ и донельзя изуродованнымъ лицомъ. Въ лѣсахъ этихъ мало земли, что годна была бы для пашни, а какъ ее сдѣлать пригодной,—черемисъ не знаетъ; кромѣ того унаваживаніе, вслѣдствіе плоской мѣстности и ея влажности, не идетъ впрокъ, а паръ и залежь быстро покрываются растеніями. Мало же мальски заброшенная пахоть сейчасъ же превращается въ частый березнякъ. Въ лѣсахъ этихъ нѣтъ также и пастбищъ, а скотоводство, какъ извѣстно, самое важное подспорье для земледѣлія. Такимъ образомъ нѣтъ у лѣсного черемиса земли для пашни, нѣтъ скота для нея, стало быть, лишенъ онъ и хлѣба, и мяса. Что же тутъ дѣлать, какъ не идти въ лѣсъ и не искать лѣсной пищи? А что въ лѣсу есть?—есть грибы, брусника, коренья, сосновыя да еловыя шишки и есть также болотная вода, которой приходится запивать холодную и сырую лѣсную пищу. Отъ этого,

конечно, не разжирѣешь... Вотъ почему лѣсной черемисъ съ дѣтства уже боленъ и слабъ здоровьемъ, и вотъ почему онъ тощъ и рѣдко когда доживаетъ до пятидесяти лѣтъ. Въ лѣсу однако есть еще и звѣрь, и птица, но звѣрь и птица не стоятъ передъ избой, чтобы въ нихъ стрѣляли, не всякій также лѣсной звѣрь годенъ въ пищу; и черемису, гоняясь за звѣремъ, приходится покидать свой домъ и покидать на цѣлые мѣсяцы. Поэтому и вся забота его внѣ дома,—онъ отъ дома какъ бы отстраняется и дѣлается по отношенію къ нему совершенно безпеченъ. А отъ этого, въ свою очередь, и домъ его чуть не полуразвалившійся, и безъ досмотра стоитъ онъ и сырой, и грязный. Ходитъ затѣмъ черемисъ въ лѣсу одинъ, говоритъ ему не съ кѣмъ, и вотъ онъ молчаливъ, угрюмъ и грубъ. Въ то же время, когда отъ холода и стужи онъ продрогъ, отъ воды промокъ до костей, когда покровъ для него одно вѣтвистое дерево, утѣшеніе—одна вѣчно дымящаяся трубка, горе невольно давитъ и жметъ его душу. Забудется онъ отъ него, нападетъ на дешевую водку и напьется ею до остервененія. Если жъ нѣтъ ея, тогда бродитъ онъ тупо и безпечно, среди бушующихъ лѣсовъ и хищныхъ звѣрей, и вырывается изъ его груди не то пѣсня, не то заунывный жалобный вой—

а-а-а-о-о-о... Пѣсня эта безъ словъ сопровождаетъ лѣсного черемиса за Волгой повсюду, по всѣмъ лѣсамъ.

Лѣсъ заслонилъ такимъ образомъ отъ черемиса свѣтъ Божій и его самого отъ людей. Добраться къ нему по болотамъ и чащамъ—трудно, да и ему самому выбраться оттуда не легко. Тутъ нужны силы и умѣнье, и нужно, чтобы помогли ему въ этомъ сосѣди русскіе, либо его же родня—горный черемисъ.

Но горный черемисъ большого ума и самъ еще не набрался. Онъ хотя и вышелъ изъ лѣсной трущобы, хотя и живетъ во сто кратъ лучше лѣсного черемиса, но и онъ все еще не больше, какъ полудикарь. Въ немъ также во многомъ отзывается лѣсная дичь. Онъ принялъ, напримѣръ, христіанство, давно уже молится въ русскихъ церквахъ, но вѣритъ также и въ силу шайтана, вѣритъ отчасти и въ прежняго своего добраго Бога, а въ злого Кереметя и подавно.

— Вѣдь ты крещенъ,—отчего же не можешь бросить шайтана?—говорятъ черемису.

— Охъ, бачка, ты ничего не знаешь,—у насъ такая вѣра; безъ этого и жить нельзя. Еретикъ шайтанъ больно сердитъ,—онъ скорчитъ, уморитъ всю скотину, придушитъ, весь домъ опустошитъ,—отвѣчаетъ черемисъ.

И разъ, въ Лазарево воскресенье, собираютъ-

ся молодые парни съ трещотками и рябиновыми прутьями, и выгоняютъ изъ домовъ, изъ клѣтей, изъ амбаровъ, — отовсюду — сердитаго шайтана. Суевѣрны также горные черемисы до смѣшного. Вѣрятъ они, напримѣръ, въ гнѣвъ мороза за сосульки,—черемисъ ни за что не осмѣлится проѣхать въ ворота, чтобы не сломать сосулекъ. Онъ сдѣлаетъ проломъ въ изгороди, и будетъ ѣздить черезъ этотъ проломъ. Странное понятіе имѣетъ онъ также о громѣ и молніи. Идучи лѣсомъ и захваченный грозою, черемисъ при каждомъ сильномъ ударѣ быстро посторонится, съ видимымъ ужасомъ начнетъ прятаться, и послѣ каждаго удара непремѣнно испугается, и какъ есть по-русски произнесетъ бранное слово, а потомъ броситъ прутикъ поперекъ дороги и скажетъ: „громко близко, догонять будетъ, но черезъ прутикъ не перейдетъ“. Если же снова послышится ударъ и освѣтитъ молнія, тогда онъ снова выругается, и, продѣлавъ все, что уже дѣлалъ, опять скажетъ сердито: „на кругъ обошелъ, на слѣдъ напалъ“. Покойниковъ черемисъ также очень боится и думаетъ, что каждый покойникъ, чтобы достигнуть лучшей жизни, долженъ пройти по канату; и что дурной человѣкъ непремѣнно свалится въ кипящую смолу и будетъ дѣйствовать за одно съ кереметями. Покойниковъ поэтому череми-

бы стараются живо спровадить на кладбище и кладутъ имъ въ гробъ, — и рубашку, и кнутъ, ставятъ и пиво, и вино, кончая розгою для шайтана. Они думаютъ, что во всемъ этомъ покойникъ будетъ нуждаться и что, когда понадобится ему что-нибудь, тогда онъ не придетъ за этимъ на землю. Въ остальномъ, какъ въ житейскихъ обрядахъ, такъ и въ вѣрѣ они мѣшаютъ свое прежнее съ перенятымъ отъ русскихъ, и во многомъ держатся еще за свое. Любовь къ лѣсу, какъ къ родинѣ, проглядываетъ у черемиса во всѣхъ его обычаяхъ и въ жизни, уходя въ лѣсъ, онъ тамъ только и чувствуетъ себя, какъ дома. Береза и рябина,—это священныя для него деревья. Береза растетъ во всѣхъ его садахъ, и березовой лучиной онъ освѣщаетъ свою избу, березой топитъ, березой покрываетъ кровлю, изъ березы дѣлаетъ кузовья, употребляетъ ее въ языческихъ обрядахъ, а рябина предохраняетъ его отъ колдовства и шайтана. Хранятъ старину и лѣсную жизнь болѣе всего— это бабы. Нарядъ бабы только въ будни чисто русскій, но и тутъ ноги ихъ обернуты всегда въ черныя онучи, отчего русскіе и зовутъ черемисокъ „черноногія барыни“. Въ праздникъ же черемиска надѣваетъ на голову безобразную высокую кичку или шлыкъ, на грудь разныя украшенія изъ монетъ, на шею ожерелье, уни-

занное большими пуговицами и крупнымъ разноцвѣтнымъ бисеромъ; иная же повяжетъ еще передникъ, красиво вышитый по краямъ, серьги изъ монетъ; и вотъ она вся въ лентахъ и вся шитая, такая же на видъ, какъ была и въ старину. За нее черемисъ, какъ и прежде, когда женится, даетъ калымъ, то-есть покупаетъ ее у отца, но чаще, какъ вотяки и другіе его собратья, воруетъ жену и справляетъ свадьбу все съ тѣми же обрядами, съ какими справляли его отцы и дѣды. Игръ у черемисъ немного, но подъ Рождество черемисы, такъ же какъ и русскіе, гадаютъ, затѣмъ въ святки собираются на вечеринки; и тутъ они либо играютъ въ жгуты, либо переодѣваются въ солдаты, въ козу, лошадь, медвѣдя, и поютъ однообразныя, скучныя пѣсни, гдѣ оплакиваютъ то свою судьбу, то бѣдность. Хоромъ, обыкновенно, дѣвицы поютъ на одинъ голосъ что-либо въ родѣ слѣдующей пѣсни:

Ой, ой! мой сынъ!
Въ солдаты ушелъ,
Малыхъ сыновей оставилъ.
Малый сынъ работать не умѣетъ;
Большую избу оставилъ: жить людей нѣтъ.
Лошадей оставилъ,—кормить не умѣю,
Коровъ оставилъ,—загонять не умѣю,

Овечекъ оставилъ,—шерсть снимать не умѣю,
Пчелъ оставилъ,—смотрѣть не умѣю.

Присутствующіе обступаютъ поющихъ и горько плачутъ. Но рядомъ тутъ же бываетъ и весслье. Черемисы перекрестятся и начнутъ плясать. Пляшутъ то дѣвицы, то парни, попеременно, и весьма однообразно, сводя то поски, то каблуки и разводя руками, а иногда и кружась на одномъ мѣстѣ. Бываетъ при этомъ и музыка,—черемисы большіе до нея охотники. Есть у нихъ и барабанъ, и гусли, и пузырь, и кобза, и дудка, что жужжитъ, какъ комаръ, но музыка ихъ все-жъ таки скучная и не такъ богата, какъ русская. Отъ русскихъ въ этомъ случаѣ они еще не переняли ничего,—ни пѣсни, ни музыки. Скорѣе всего они научились отъ русскихъ тому, что даетъ деньгу. Такъ, между ними нѣтъ недостатка въ ремесленникахъ и мастеровыхъ. Въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ они сдѣлали огромные успѣхи по разнымъ мастерствамъ. Они стали извѣстны по нѣкоторымъ околодкамъ не только своею овчинною выдѣлкою, но и кузнечнымъ мастерствомъ, а теперь нетрудно уже найти въ ихъ средѣ хорошихъ плотниковъ, маляровъ, каменщиковъ, печниковъ и даже золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ.

Чувашская Центральная Библиотека

Послѣдніе работаютъ не только одни сельскія произведенія, но съ прибылью занимаются и по городамъ. Главныя же занятія черемисъ зависятъ отъ того, гдѣ они живутъ. Такъ, по берегамъ Волги, по озерамъ и другимъ рѣкамъ, изобилующимъ рыбою, они занимаются съ успѣхомъ рыболовствомъ. Они берутъ въ аренду разныя урочища, и поставляютъ рыбу въ Казань, Козмодемьянскъ, Чебоксары и другіе города на базары и ярмарки; нѣкоторые же сбываютъ товаръ на мѣстѣ, пріѣзжимъ купцамъ. Прибрежные жители занимаются также и бурлачествомъ, и сплавомъ плотовъ; а многіе изъ береговыхъ черемисъ, привыкшихъ къ водѣ и къ управленію разной величины судовъ, съ дровами, корою, лаптями и другими произведеніями, приносятъ весьма существенную пользу волжскому судоходству, какъ смѣлые и опытные матросы. Самыя однако первенствующія ихъ занятія,—это земледѣльческія, которымъ они вполнѣ преданы и въ которыхъ не уступаютъ ни русскимъ, ни чувашамъ. Съ одинаковымъ рвеніемъ они занимаются и огородничествомъ, а также и разведеніемъ фруктовыхъ яблочныхъ садовъ, которыми торгуютъ съ большой прибылью и которые не мало способствуютъ имъ въ пчеловодствѣ. Пчеловодство у горныхъ черемисъ исключительно пасѣчное. Пчелы разводятся

М 3061-К

Республиканская 2 библиотека им. М. ГОРЬКОГО Чувашской АССР

при домахъ или въ близъ лежащихъ рощицахъ, искусно ограждающихъ пчелъ отъ вѣтра, и по возможности подалѣе отъ воды, для отвращенія заносовъ и гибели при росѣ. Улы выставляются 1-го апрѣля и прячутся на зиму 1-го октября въ подполье. Въ продолженіе лѣта, при каждомъ отдаленномъ отъ дома пчельникѣ, находится караульщикъ изъ стариковъ, живущій въ особо устроенной при пчельникѣ караулкѣ. Улы горныхъ черемисъ не что иное, какъ выдолбленные обрубки деревъ. Улы эти необыкновенной величины,— вышиною до сажени, а шириною въ аршинъ. Огребаніе роевъ начинается у нихъ въ половинѣ іюля и кончается Ильинымъ днемъ. Сборъ меда происходитъ вслѣдъ за роеніемъ. Воскъ и медъ продаются въ ближайшихъ городахъ и преимущественно въ Казани.

Женщины черемиски, кромѣ домашняго хозяйства, занимаются огородничествомъ, при чемъ главный посѣвъ составляетъ хмель, необходимый какъ для пива, такъ и для продажи. Помимо же огородничества „черпогія барыни“ любятъ тканье, пряжу и вышиванье. Нѣкоторыя пряжи и тканье очень тонки, а вышиванье по холсту разными узорами, шерстями и шелкомъ дѣлается по счету, съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ и извѣстной красоты. Въ свободное отъ другихъ занятій

время, тканье, пряжа и вышиванье производятся цѣлымъ обществомъ родственниковъ и односелокъ, при чемъ работающія чередуются, занимаясь то тѣмъ, то другимъ, что болѣе нравится и болѣе по душѣ.

Благосостояніе такимъ образомъ горныхъ черемисъ далеко, какъ мы видимъ, превосходитъ лѣсныхъ; и въ то время, когда лѣснымъ и самимъ ѣсть нечего, горные черемисы избыткомъ своихъ промысловъ наполняютъ всѣ окрестные базары и ярмарки. Базары черемисы полюбили до того, что, если пріѣдетъ купецъ къ черемису на домъ, то черемисъ запроситъ за товаръ втридорога, ради того только, чтобы самому ѣхать на базаръ. На этихъ базарахъ и ярмаркахъ заключаютъ они условія, договоры, съ дюжиною свидѣтелей, распиваютъ всласть могарычи, и никогда не продаютъ товара въ долгъ, но, завидя деньги, черемисъ продастъ иногда товаръ и за безцѣнокъ. Черемисами и чувашами на приволжскихъ базарахъ и ярмаркахъ усѣяны всѣ площади.

Непривычный глазъ не отличитъ чуваша отъ черемиса, но кто присмотрѣлся, тотъ сразу распознаетъ чуваша по его неуклюжей

переваливающейся походкѣ, по его узкимъ черпымъ глазамъ и по нѣкоторымъ особенностямъ въ одеждѣ. Такъ, у черемиса, въ большинствѣ случаевъ, бѣлый кафтанъ и бѣлыя опучи, а у чуваша кафтанъ всегда сѣрый, а опучи всегда черныя. Показать голыя ноги считается у чувашей за стыдъ, и чуваши потому такъ и спятъ въ опучахъ. Чуваши живутъ рядомъ съ черемисами въ Казанской губерніи, по нагорной сторонѣ Волги, въ уѣздахъ: Чебоксарскомъ и Козмодемьянскомъ; но настоящая Чувашляндія,—это уѣзды: Ядринскій, Цивильскій и затѣмъ въ Симбирской губерніи по рѣкѣ Сурѣ, а потомъ Курмышскій и Алатырскій уѣзды. Всѣхъ чувашей считается болѣе полумилліона; и они совсѣмъ иного племени, чѣмъ черемисы,—они принадлежатъ къ одному племени съ татарами.

Но все-таки, какъ мы только что сказали, чуваши мало чѣмъ отличаются отъ черемисъ, и такъ же, какъ послѣдніе, большіе охотники до базаровъ.

— Куда ѣдешь?—спрашиваете вы у чуваша.

— Базаръ дѣлать...—весело отвѣчаетъ онъ.

И базаръ, дѣйствительно, для него веселье. Зато и устраиваютъ ихъ чуваши и черемисы и по деревнямъ, и по большимъ дорогамъ, и

возлѣ постоялыхъ дворовъ, и у питейныхъ заведеній. Стоятъ, обыкновенно, на этихъ базарахъ въ рядъ телѣги съ проходомъ между ними, сидятъ на нихъ, покуривая свои трубочки, чуваши и черемисы, и идетъ у нихъ живой разговоръ съ русскими о новостяхъ, съ сосѣдними черемисами о цѣнѣ на тотъ или другой товаръ; идетъ тутъ же купля и продажа,—покупаютъ табакъ, а продаютъ муку въ кожаныхъ мѣшкахъ, овощи, фрукты, кожи, овчины, яйца, медъ; и разныхъ сцѣнъ и смѣшныхъ, и жалобныхъ, а подчасъ и ссоръ, и драки на каждомъ шагу. Вотъ продаетъ чувашъ купцу муку. Купецъ валитъ мѣшки на вѣсы, а чувашъ слѣдитъ зорко, чтобы купецъ, о чемъ предупреждали пріятели чуваша насчетъ обвѣса, не положилъ на лотокъ какого-нибудь камня. Купецъ, какъ на грѣхъ, дѣйствительно, положилъ нечаянно безмѣнъ, но возлѣ мѣшка; и чувашъ, увидя это, замахалъ сейчасъ же руками, отбѣжалъ въ сторону и кричитъ:

— Э, нѣтъ, нѣтъ, бачка, долой моя мука...

И торопится чувашъ снять мѣшки.

Но купецъ, улыбаясь, вѣшаетъ безмѣнъ на коромысло, на которомъ виситъ мѣшокъ съ мукой и спрашиваетъ:

— Ну, такъ, что ли?.. вѣрно теперь?..

И чувашъ въ недоумѣніи смотритъ на без-

мѣнъ, на коромысло, и думаетъ, что если безмѣнъ не на лоткѣ, стало быть, и вѣсъ этотъ правильный.

Вотъ еще сцена.

Торгуетъ баба у чуваша рыбу бѣшенку. Продавецъ запрашиваетъ дорого. Баба горячится, брашится,—чувашъ не уступаетъ.

— Побойся ты Бога, чувашская лопатка,—вѣдь это неслыханная цѣна!..—восклицаетъ баба.

— Эхъ, мачка, что́ Бога бояться?—Богъ не писарь,—отвѣчаетъ спокойно полудикарь.

— Да вѣдь у тебя же есть Богъ?—вмѣшивается купецъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ чувашъ,—мой Бога не знаетъ...

— Какъ не знаешь... а кто твой Богъ?—пристаетъ купецъ.

— Не знай, бачка.

— Ну, а скажи: гдѣ Богъ?..—снова пристаетъ спросчикъ.

— Какъ можно знать, какой Богъ? кто Его видалъ, бачка?.. мы не видалъ его...: И этими разсужденіями заканчиваются всѣ его понятія о Богѣ.

У чувашей, такъ же, какъ и у черемисъ, съ принятіемъ христіанства, перемѣшались и языческіе боги, и понятіе о христіанскомъ Богѣ. Теперь, впрочемъ, языческіе боги мало-

по-малу забываются. Но не такъ давно чуваши приносили жертвы своимъ Кереметямъ, и только въ томъ случаѣ, когда не было отъ этихъ жертвъ успѣха, шли въ церковь и ставили свѣчку Чудотворцу Николаю. Ставя свѣчку, чувашъ помянетъ непремѣнно и сивку, и бурку, помянетъ и каждую свою курицу, а выйдя изъ церкви, броситъ кусокъ хлѣба собакѣ, чтобы такимъ образомъ узнать,— приняталн его жертва, и хорошо ли живется его родственникамъ и пріятелямъ. Ѣла собака хлѣбъ,—и онъ былъ увѣренъ, что жертва принята, и живется родственникамъ хорошо; если жъ не ѣла собака,—тогда чувашъ былъ въ горѣ. Икона въ избѣ у чуваша называлась „богъ угла“. Случалось священнику узнавать по запаху, что чувашъ ѣлъ въ постъ скоромное. Священникъ журилъ чуваша за это, а чувашъ, не догадываясь въ чемъ дѣло, думалъ, что это передаетъ все священнику икона. Вслѣдствіе этого, желая полакомиться въ постъ скоромнымъ, чуваши обращали икону лицомъ къ стѣнѣ и говорили: „не увидитъ-де теперь и бачкѣ не скажетъ“. Такимъ образомъ давно уже у каждаго чуваша была въ избѣ икона, но вмѣстѣ съ иконою хранился въ завѣтномъ мѣстѣ и идолъ, то-есть связанный лыкомъ пукъ шиповника, съ привѣшеннымъ къ нему оловомъ.

Къ этому идолу никто не смѣлъ не только прикасаться, но и приблизиться. Молились ему по пятницамъ.

Теперь однако послѣ того, какъ русскіе сожгли ихъ священныя рощи или керемети, чуваши перестаютъ уже бояться своихъ злыхъ духовъ — Кереметей, и христіанство развилось между ними весьма быстро. Они теперь и русскихъ не стали бояться, и даже сами хотятъ походить на русскихъ. Теперь для чуваша верхъ благополучія отдать дочь замужъ за русскаго, или женить сына на русской. Стараются также они научиться русскому языку, и многіе говорятъ на немъ весьма свободно, и не только съ русскими, но даже и между собою. Лѣтъ же тридцать еще назадъ было далеко не то. Керемети существовали въ каждомъ почти поселкѣ, и, боясь русскихъ, чуваши селились какъ можно далѣе отъ большихъ дорогъ и судоходныхъ рѣкъ; селились обыкновенно въ лѣсныхъ оврагахъ, котловинахъ или у какого-нибудь ручья и непремѣнно по скатамъ двухъ ложбинъ. Каждое чувашское село расположено такъ, что вы и теперь примѣтите его только тогда, когда уткнетесь въ него. Скрывать отъ русскихъ дорогу къ своимъ селамъ считалось священнымъ долгомъ каждаго „Василія Ивановича“, то-есть каждаго чуваша.

Это общее прозвище „Василій Ивановичъ“ явилось, по преданію, вслѣдствіе того, что одинъ іеромонахъ крестилъ ихъ толпами, давая имъ свое свѣтское имя Василій, а воспреемникомъ былъ діаконъ Иванъ. И чувашъ — Василій Ивановичъ никогда не покажетъ дороги къ чувашскому селу, а запутались вы и спросили встрѣтившагося чувашскаго молодца: какъ проѣхать въ такую-то деревню?— „Прямехонько ступай“,— отвѣтитъ онъ вамъ непремѣнно, и кто неопытенъ и послѣдуетъ его совѣту, тотъ заѣдетъ либо въ болото, либо въ лѣсъ.

Селенія чувашскія, какъ прежде, такъ и теперь, не строятся въ линію, подобно черемисскимъ, а всегда идутъ по кругу отдѣльными хуторами. Произошло это по той причинѣ, что чуваши работаютъ семьями неразлучно, и каждая семья, разрастаясь, ставитъ новую избу возлѣ избы своихъ дѣдовъ и отцовъ. Если же нѣтъ мѣста на той полянѣ, гдѣ живутъ отцы,—только въ этомъ послѣднемъ случаѣ новая семья разыскиваетъ себѣ поблизости и повое мѣсто для своей избы. Избы у нихъ черныя, внутри отъ постоянной копоти покрыты какимъ-то глянцемъ, полъ глиняный и такъ черенъ, какъ уголь. Въ избахъ, кромѣ наръ, шириною въ ростъ человѣка, и подполья, куда прячутся для хране-

нія цѣнныя вещи, другого и нѣтъ ничего. При входѣ же въ чувашскую избу — справа чулашъ, а слѣва волоковое окно. Въ окнахъ, вмѣсто стеколъ, зачастую свѣтится коровій пузырь; около же избы амбары, и иногда въ два этажа; въ особомъ же углу на дворѣ у каждаго чуваша непремѣнно пивоварня и затѣмъ погребъ. Лѣтомъ чуваши живутъ въ лачугахъ или шалашахъ, и тогда ихъ жизнь походитъ на стародавнюю кочевую. Посреди лачуги виситъ котелъ, гдѣ варятъ пищу, а кругомъ лачуги лавки да чурбашки. Деревню чувашскую осенью всегда отличишь отъ русской или татарской. Какъ въ Казанской, такъ и въ Симбирской губерніяхъ, проѣзжая въ ноябрѣ или декабрѣ, стоитъ только взглянуть на гумна, и, если нѣтъ на гумнахъ ни одной хлѣбной копны, а стоитъ только на верхушкѣ каждаго овиннаго шеста необмолоченный снопъ на съѣденіе птицамъ,—это, значитъ, деревня чувашская. Чуваши отличаются уборкой хлѣба, и, когда пріѣдетъ пора молотьбы, то, не смыкая глазъ, они работаютъ на гумнѣ по двое и по трое сутокъ, безъ перерыва, и день и ночь. И не только въ этой одной работѣ, но и вообще въ земледѣліи чуваши превзошли всѣхъ своихъ сосѣдей и даже русскихъ. Русскіе сами сознаютъ такое превосходство и вѣрятъ, что чуваши могутъ пред-

сказать всегда, какой будетъ урожай. Они, дѣйствительно, изъ рода въ родъ передаютъ свои примѣты о бывшемъ въ томъ или иномъ году урожаѣ или неурожаѣ, и примѣты эти приносятъ имъ свою пользу. Разъ пріѣхалъ въ одно село какой-то исправникъ, самъ сельскій хозяинъ, и поругалъ чувашей, что у нихъ не засѣяны озими. Исправникъ доказывалъ имъ и священнику того же села, что надо уже сѣять; и священникъ, послушавшись хозяина-исправника, засѣялъ свои поля, а чуваши нѣтъ. Возвращаясь изъ Казани, исправникъ снова увидалъ тѣ же поля чувашей незасѣянными и снова сталъ бранить ихъ, говоря, что они сами себѣ не желаютъ добра.

— Какъ, бачка, себѣ добра не хотѣть?— отвѣчали ему чуваши;—мы потому-то до сихъ поръ и не сѣяли, что добра себѣ хотѣли.

— Какъ это?—спросилъ исправникъ.

— Сѣять-то, бачка, пельзя; по солнцу бы и можно, да примѣта дурпая есть,—бѣда выйдетъ,— говорили въ одинъ голосъ чуваши.

— Какая примѣта?

— Да много, бачка, примѣта есть; не хорошо будетъ, если теперь посѣемъ, — настаивали чуваши.

— Да какія же это примѣты?— допытывался исправникъ.

— Да вотъ тѣ, что старики наши отъ сво-

ихъ стариковъ слышали!—отвѣчали чуваши.

И напрасно хозяинъ-исправникъ старался разузнать эти примѣты. На всѣ его разспросы чуваши отвѣчали одно: „такъ, бачка, знаемъ, что нехорошо будетъ; отцы наши и отцы отцовъ нашихъ такъ говорили“.

И чуваши впослѣдствіи оказались правы. Они засѣяли, спустя недолго послѣ отъѣзда исправника, и у нихъ взошли озими чудесныя, а у священника зерно поѣлъ червь.

Люди бывалые среди чувашей разсказываютъ много подобныхъ примѣровъ и утверждаютъ, что на примѣты чуваши очень памятливы, и примѣты ихъ справедливы. Одинъ ученый, знавшій и описавшій хорошо ихъ жизнь, говоритъ, что ему пришлось видѣть одного чуваша Михалку, который удивительно вѣрно предсказывалъ всегда наканунѣ слѣдующаго дня ведро или ненастную погоду. Спроситъ онъ бывало Михалку: какая завтра будетъ погода? Михалка посмотритъ на небо, на лѣсъ, втянетъ въ себя носомъ нѣсколько разъ воздухъ, и отвѣтитъ: „завтра будетъ ясная, хорошая погода“, хотя бы во время его предсказанія все небо покрыто было облаками; или скажетъ: „завтра будетъ сильный дождь“, хотя бы наканунѣ небо было чистое и безоблачное; или же заявитъ, что завтра будетъ небольшой дождь съ утра до обѣдеи-

ной поры. И всегда, по увѣренію ученаго, предсказанія Михалки сбывались совершенно точно.

Предсказанія Михалки, какъ и другихъ чувашей, дѣйствительно, перешли къ нимъ отъ ихъ отцовъ и дѣдовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ провѣрены и самими. Разные случаи, которые замѣтили отцы, были переданы дѣтямъ, а тѣ, провѣривъ эти случаи, сами еще кое-что высмотрѣли; и такимъ путемъ, то по ранней или поздней, сухой или сырой веснѣ, по жаркому или холодному лѣту, по поздней, сухой или сырой осени, наконецъ, по холодной или теплой зимѣ, по глубокому или рыхлому снѣгу и т. п., узнаютъ они объ урожайномъ или неурожайномъ годѣ. Они запоминали, послѣ чего что случается, они вглядывались, какъ солнце восходитъ и садится, что бываетъ при томъ, когда роса сильно падаетъ, и что послѣ того, когда туманы подымаются. Всѣ эти и подобные имъ случаи они примѣтили, и, любя земледѣліе, передаютъ свои примѣты изъ рода въ родъ. А земледѣліе—это жизнь чуваша. Между ними нѣтъ ни ремесленниковъ, ни мастеровыхъ, чѣмъ изобилуютъ деревни черемисъ. Чуваши всѣ и повсюду занимаются однимъ земледѣліемъ и пчеловодствомъ. Поля свои чуваши засѣваютъ всѣмъ, что только на нихъ родится. Вы увидите на чувашскихъ

поляхъ: рожь, ячмень, гречу, ленъ, коноплю; увидите и пшеницу для домашняго употребленія, а также горохъ и хмель. Отъ хмеля въ прежнее время, по его дороговизнѣ, они имѣли большую прибыль. Пашутъ чуваши косулями, но встрѣчаются у нихъ и сохи, и плуги. Поля ихъ, прибранныя и вспаханныя, точно огороды. Земля вдоволь унавожена, навозъ они покупаютъ и у сосѣдей русскихъ, камни съ полей убраны, въ сырыхъ мѣстахъ для осушки прорыты канавы; и поля ихъ не особенно боятся засухи, такъ какъ вблизи каждаго поля растетъ непремѣнно и роща. И неутомимо, и дѣятельно, а главное смышлено работаютъ они и ухаживаютъ за своими полями. Ни одинъ чувашъ не потерпитъ, чтобы хлѣбъ у него не былъ въ свое время сжатъ, свезенъ на гумно и обмолоченъ. И съ самаго ранняго дѣтства каждый чувашъ становится полевымъ работникомъ. Отъ семи до девяти лѣтъ,—тутъ онъ еще не въ полѣ, тутъ онъ помогаетъ только матери прясть, да когда всѣ на полевыхъ работахъ, онъ кормитъ и загоняетъ скотину, но съ десяти лѣтъ мальчикъ начинаетъ уже выѣзжать пахать, а въ восемнадцать лѣтъ чувашъ считается взрослымъ.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ инородцевъ, заселяющихъ наши дремучіе лѣса, горные

черемисы, а въ особенности живущіе по окраинамъ лѣсовъ чуваши сдѣлались настоящими земледѣльцами. Къ охотѣ за лѣснымъ звѣремъ они, хотя и имѣютъ влеченіе, но занимаются ею мало, а полюбили, кромѣ поля, пчеловодство и затѣмъ огородъ. Въ лѣсахъ же плетутъ кули и лапти. Сообразно раздѣленію полевыхъ работъ, они дали названіе и разнымъ мѣсяцамъ; такъ у нихъ „Агга-ойхъ“ — мѣсяцъ пашни, „Уда-ойхъ“ — мѣсяцъ сѣнокоса, „Индинь-ойхъ — мѣсяцъ льна, „Авынъ-ойхъ“ — овчинный мѣсяцъ. Изъ праздниковъ у нихъ — *чуклапы*, такъ называемое моленіе о хлѣбѣ, — это самый большой праздникъ въ году. Празднуютъ они его дома, въ каждомъ селѣ, всѣ поодиночкѣ и поочереди вмѣстѣ. Тутъ они пьютъ пиво безъ устали и ѣдятъ разныя яства. Но, несмотря на всю свою зажиточность, и, несмотря на то, что между ними нѣтъ почти нищихъ, ѣдятъ они, такъ же, какъ и живутъ, грязно и скупы до крайности. Ѣдятъ они больше всего одну *эшку* — это такія особыя щи; и изъ котла, гдѣ варится эшка, пьютъ и люди, и овцы, и телята, и тутъ же моютъ маленькихъ ребятъ, и стираютъ даже бѣлье. Скупы они до того, что продаютъ свое все; на покупку же даже необходимаго сильно жмутся. Не разъ можно встрѣтить, что чувашъ смазываетъ колесо имѣющимся у него коровь-

имъ масломъ, ради того единственно, чтобъ не покупать деготь. Кромѣ того, они крайне боятся обнаружить свои деньги, и не такъ давно еще они прятали деньги на случай *сухой бѣды*. При прежнихъ судахъ *сухой бѣдой* назывался наѣздъ суда. По робости своей, чуваши рѣдко когда между собой ссорятся, они боятся всѣхъ и каждаго, но, выведенные изъ терпѣнія, рвутся, мечутся, какъ звѣри, и, чтобы отомстить обидѣвшему, они прежде вѣшались у него на дворѣ. Больше этой мести, по ихъ понятіямъ, нѣтъ другой; такъ какъ на тотъ дворъ, гдѣ обиженный повѣсился, наѣзжалъ судъ и производилось слѣдствіе. Покойниковъ они боятся до сихъ поръ такъ же, какъ и черемисы. Поминая покойниковъ наканунѣ Семика, чуваши ставятъ въ избѣ столъ съ пирогами, блинами и яйцами, зажигаютъ свѣчи и по свѣчамъ узнаютъ о загробной жизни своихъ родичей. Когда свѣча горитъ ярко, они думаютъ, что покойники живутъ на томъ свѣтѣ хорошо и весело, а если свѣча погасла или упала, говорятъ, что покойника постигла *сухая бѣда*. Полагая также, что покойники могутъ ходить по домамъ, они кладутъ имъ на могилы по кусочку разныхъ яствъ и приговариваютъ при этомъ: „мы поминаемъ васъ, ничего не жалѣемъ для васъ, но вы за это будьте смирны, не бра-

нитесь въ могилахъ, не безпокойте насъ, не ходите къ намъ. Вставайте ночью, ѣшьте досыта,—вотъ вамъ и полотенца утираться". Но тѣ женщины, которыя недовольны мужьями и умершими родственниками, бранятся, ругаются и топчатъ ихъ могилы.

Веселятся чуваши во время свадебъ; и тутъ у нихъ бываютъ игры, музыка и пляска. Женъ они себѣ такъ же, какъ и всѣ сосѣдніе инородцы, покупаютъ, но относятся къ женамъ дружественно и съ почтеніемъ. До рожденія сына, они называютъ женъ просто женами, но жена, родивши сына, величается „маткой" Василія или Михалки и вообще первенца. Любимая игра чувашъ,—это *вычки*. Игра эта состоитъ въ томъ, что, взявъ пучокъ лычекъ, концы ихъ раздаютъ по рукамъ, и та пара, у которой концы оказались отъ одного лычка, должна цѣловаться. Любимый музыкантъ чувашей,—это пузырщикъ. Къ музыкѣ, по увѣренію многихъ хорошо ихъ знающихъ, они способны не менѣе евреевъ. Изъ инструментовъ, кромѣ пузыря, есть у нихъ еще гусли, гудокъ, гармоника, дудка, балалайка, а въ послѣднее время въ большомъ ходу и скрипка.

На свадьбѣ, послѣ жениха, пузырщикъ играетъ самую видную роль. Пѣсни поютъ они и

однимъ голосомъ, и съ припѣвомъ хора. Иногда по дорогѣ изъ села въ село вы встрѣтите цѣлый поѣздъ мчащихся кибитокъ и повозокъ съ гикомъ и шумомъ. Женщины ѣдутъ въ кибиткахъ стоя, а молодежь возлѣ нихъ верхами,— это, стало быть, поѣздъ свадебный. Такой поѣздъ отправляется за невѣстой въ ея деревню, и при звукахъ пузыря, колокольчиковъ, бубенчиковъ, хлопаныи въ ладоши и свистѣ, слышатся хоровыя пѣсни. Женщины хоромъ запѣваютъ:

„Непремѣнно, непремѣнно увеземъ, увеземъ!
Не взявши не поѣдемъ, не взявши не поѣдемъ, не взявши не поѣдемъ!“

Мужчины подхватываютъ слово стиха и переливаютъ его на разные лады съ прибавками: „Эй, ре, ре, рэй, ре, ре, рэй, рой, ой, рой, рой, ро, ро! Эсръ, эіаръ, оіоръ“. Чѣмъ ближе поѣздъ приближается къ невѣстиной деревнѣ, тѣмъ онъ становится шумнѣе. Увозя же невѣсту изъ деревни, они уже поютъ: „Увезли-таки, увезли и веземъ“... Кромѣ однако свадебныхъ пѣсенъ, есть у нихъ еще много и другихъ; и, кромѣ, наконецъ, пѣсенъ, не малое удовольствіе для чуваша въ зимнее время,— это сказки. Въ сказкахъ у нихъ яблоки пляшутъ, листья бьютъ въ ладоши, а пузырщики привораживаютъ и совершаютъ чудеса.

Чуваши способны также и къ грамотѣ. Въ школахъ они отличаются особымъ прилежаніемъ, любопытствомъ; и теперь уже есть священники изъ чувашъ, есть значительные торговцы, писаря, сельскіе учителя, появился какъ-то между ними даже и писатель. Такъ съ выходомъ изъ лѣсной трущобы, выходятъ люди и на свѣтъ Божій. Какъ ни прятались чуваши по оврагамъ да котловинамъ, но живя по окраинамъ лѣсовъ, они чаще встрѣчались съ русскими, невольно поэтому сближались съ ними и многому вслѣдствіе этого научились отъ нихъ. Теперь чуваши только походятъ на русскихъ, но близится время, когда они совсѣмъ войдутъ въ русскую семью, и не только будутъ любить русскій языкъ, но даже забудутъ и свой родной, что и случилось уже съ разными другими инородцами, живущими среди русскихъ.

Русскій человѣкъ забрался къ нимъ давнымъ давно, и прокладываетъ свои тропы все дальше и дальше въ глубину лѣсовъ. Но какъ онъ живетъ и что дѣлаетъ тутъ?—невольно рождается вопросъ. Бывалые люди говорятъ, что русскій человѣкъ, гдѣ ни поселится, вездѣ какъ дома, по русской поговоркѣ: „гдѣ бы ни жить, только бы сыту быть“. А сытъ онъ тѣмъ же лѣсомъ, въ которомъ живетъ, и хоть не вплотную сытъ, но кое-

какъ обходится. Гонитъ онъ въ лѣсу деготь, смолу разныхъ сортовъ, а изъ деревъ работаетъ разныя подѣлки: корыта, гроба, колоды; вытачиваетъ чашки, блюда, ковши, ложки; дѣлаетъ лопаты, лодки, ступицы, гнетъ ободья, и торгуетъ въ громадномъ количествѣ рогожею. На все это производство истребляетъ онъ лѣсъ въ невѣроятномъ количествѣ. Теперь, впрочемъ, приняты противъ этого нѣкоторыя мѣры. Но прежде курилъ онъ, напримѣръ, смолу ямами. Способъ этотъ проще, правда, другихъ, но матеріала истребляетъ ни за что, ни про что видимо-невидимо. Сталъ онъ затѣмъ курить въ глиняныхъ горшкахъ, въ желѣзныхъ казанахъ и, наконецъ, лѣтъ тридцать не болѣе, началъ курить и въ чугунныхъ котлахъ. Чистый, паровой деготь гонитъ онъ и теперь еще изъ одной березы,— и, Богъ знаетъ, на долго ли хватитъ березовыхъ лѣсовъ, когда онъ срубаетъ березу для этого дѣла подъ самый корень. На долго ли также хватитъ и осины, когда ее выбираетъ онъ для ложечнаго промысла самую крупную и узорчатую; и еще какъ выбираетъ—подрубитъ у самаго корня самую крупную осину и смотритъ, — достаточно ли въ ней узора для ложки. Мало узора, — онъ броситъ обрубленное и идетъ дальше. Если же узоръ хорошъ, тогда онъ отрубитъ нѣсколько вѣт-

вей, длиною въ четыре вершка, отъ самаго корня, такъ какъ лучшій узоръ только и есть, что у корня, а остальное опять-таки броситъ. И такимъ образомъ одинъ промышленникъ перепортитъ въ день Богъ знаетъ сколько осинъ; но что же выйдетъ, если мы сочтемъ весь изъянъ, какой надѣлаетъ цѣлое населеніе, или цѣлый уѣздъ! Семеновскій, напримѣръ, уѣздъ весь почти занятъ однимъ ложечнымъ промысломъ. Сколько опять-таки истребляется при другихъ издѣліяхъ, сколько горитъ лѣса и сколько выжигаютъ его? А пожары лѣсные въ тѣхъ мѣстахъ постоянные, и горятъ лѣса верстъ на сто, на двѣсти.

Что же это такое, спрашивается, и по какому случаю такъ не щадятъ лѣсовъ?.. На югѣ Россіи нуждаются въ лѣсѣ, дрова на пуды продаютъ, и повсюду въ Россіи съ каждымъ годомъ дорожаетъ лѣсной матеріалъ, а обитатели лѣсовъ жгутъ свои лѣса безпощадно и истребляютъ ихъ всѣми способами. Отчего же они не сплавляютъ свои лѣса на югъ, отчего же они не вывозятъ лѣсной матеріалъ и не продаютъ его? Вотъ въ этомъ-то вся и задача, — говорятъ лѣсные обитатели, — какъ вывозить и какъ сплавлять? Сплавлять лѣса, — рѣки лѣсныя засорены и не чистятся; возить лѣса, — дорогъ нѣтъ. И хоть сплавитъ бы въ

половодье и сплавилъ, но доставить до рѣки безъ дороги по лѣсу,—не доставишь. И живутъ русскіе вслѣдствіе этого въ тѣхъ же лѣсахъ, гдѣ черемисы и другіе дикари, тѣми же почти дикарями. Отъ всего они удалены; съ трудомъ они выѣзжаютъ изъ своихъ лѣсныхъ трущобъ,—и завелся у нихъ по этому случаю расколъ, лѣсные скиты, и, наконецъ, есть такія глухія мѣста, гдѣ дошли до безвѣрія и даже до идолопоклонства. Есть деревни въ этихъ лѣсахъ,—тѣ же скиты. Лѣтъ тому назадъ тридцать существовали еще такія деревни, гдѣ отецъ семьи былъ старостой, одинъ сынъ выборнымъ, или десятскимъ, а другой крестьяниномъ, - вотъ и вся тутъ деревня. И не то, что лѣсъ возить по этимъ лѣсамъ; иной разъ и покойниковъ-то въ легкой телѣжкѣ трудно доставить до церкви.

— Вотъ,—говорилъ лѣсной промышленникъ одному заѣзжему, указывая на умирающаго старика отца,—я старику-то пѣняю. Экую онъ нуду семьѣ-то дѣлаетъ! То ли бы дѣло, какъ покуда мочь-то была,—добрался бы до села, да въ загороди бы (т. е. на кладбищѣ) и скончался; а то шутка ли дѣло,—пора рабочая, въ лѣсу-то сокъ, а тутъ вези-ка его за пятьдесятъ верстъ,—и лошаденку-то замаешь и все такое; а кабы до поры до временй послушалъ, такъ теперь безъ сухоты

ужъ на мѣстѣ былъ; такъ нѣтъ, братъ, по-дожду, поспѣю, вотъ те и поспѣлъ!..

Но не только въ рабочую пору, а и на гулянкахъ лѣтомъ трудно проѣхать пятьдесятъ верстъ по тѣмъ лѣсамъ. Одна ѣзда,—это зимой; въ остальное же время не пробраться по лѣсамъ и съ пустой повозкой,—ѣздятъ больше верхами.

Такъ, мы видимъ, что пока многія наши лѣсныя богатства пропадаютъ ни за что, и обитатели этихъ лѣсовъ сами чувствуютъ, что одно для нихъ спасеніе,—это дороги.

Жилъ, давно тому назадъ, верстахъ въ пятнадцати отъ города Макарьева одинъ крестьянинъ. По солнцу, по звѣздамъ, по разнымъ примѣтамъ пробилъ онъ прямую тропу черезъ лѣсъ на рѣку Ветлугу, и сталъ опережать всѣхъ прочихъ торговцевъ, — и разбогатѣлъ крестьянинъ. Умирая, собралъ онъ семью, собралъ весь міръ и заповѣдалъ на сходкѣ, чтобы дѣти его черезъ всѣ болота набили сваи, а на нихъ помостили ходни выше воды, — и далъ на это денегъ. Я-де, — говорилъ онъ, — нажился лѣсною тропою, пускай и люди по ней ходятъ, и меня поминаютъ“. И долго поминали его люди. И съ тѣхъ поръ открылась на Ветлугу дорога.

Такъ, стало быть, пройдутъ, пролягутъ дороги въ лѣса,—и тогда наживутся лѣсною тропою лѣсные обитатели, и тогда узнаютъ они цѣну лѣсамъ; а лѣсные дикари, какъ мы уже сказали, увидятъ свѣтъ Божій и станутъ прозрѣвать такъ же, какъ чуваши, черемисы и другіе инородцы на окраинахъ лѣсовъ.

231.538